

*Стефани
Майер*

Стефани Майер

НОВОЛУНИЕ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84 (7Сое)-44
М14

Stephenie Meyer
NEW MOON

Перевод с английского А. Ахмеровой

Компьютерный дизайн переплета Н. Хафизовой

Печатается с разрешения издательства
Little, Brown and Company, New York, New York, USA
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Подписано в печать 26.12.18. Формат 84x108 ¹/₃₂. Бумага газетная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 28,56.

Доп. тираж экз. Заказ № .

Майер, Стефани

М14 Новолуние : [роман] / Стефани Майер; [пер. с англ. А. Ахмеровой]. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 543, [1] с.

ISBN 978-5-17-065678-3

Это вторая книга знаменитой вампирской саги, возглавившая списки бестселлеров десяти стран. Влюбиться в вампира – страшно и романтично... Но потерять любимого, решившего ценой разрыва спасти свою девушку от роли пешки в вечном противостоянии кланов «ночных охотников», – это просто невыносимо. Белла Свон мучительно переживает исчезновение возлюбленного и безуспешно ищет забвения в дружбе с мальчишкой-индейцем Джейком Блэком. Она даже не подозревает, что ее лучший друг – порождение еще одного «народа Тьмы». Народа, куда более жестокого и опасного, чем аристократы-вампиры...

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84 (7Сое)-44

© Stephenie Meyer, 2006

© Перевод А. Ахмерова, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

*Посвящается моему отцу,
Стивену Моргану.
Ни один человек на свете не дарил мне столько
любви и поддержки.
Папа, я тоже тебя люблю.*

У бурных чувств неистовый конец,
Он совпадает с мнимой их победой.
Разрывом слиты порох и огонь,
Так сладок мед, что наконец и гадок:
Избыток вкуса отбивает вкус.
Не будь ни расточителем, ни скрягой:
Лишь в чувстве меры истинное благо.

*«Ромео и Джульетта», акт 2, сцена 6,
пер. Б. Пастернака*

ПРОЛОГ

Похоже, меня засосало в один из жутких кошмаров, в которых бежишь, бежишь так, что легкие разрываются, — а скорости все равно не хватает. Ноги двигались все медленнее и медленнее, я пробиралась сквозь безжалостную толпу, но стрелки часов на огромной башне не останавливались ни на секунду. С беспощадной стремительностью они лишали меня последних крупиц надежды.

Однако это не сон, не кошмар, и бежала я не ради себя, а хотела спасти нечто несравнимо более дорогое. Моя жизнь в тот момент не значила практически ничего.

Элис сказала: вполне вероятно, мы обе погибнем. Все сложилось бы иначе, не сдерживай ее ослепительный солнечный свет, а так через раскаленную площадь могла пробираться лишь я.

И то недостаточно быстро.

Вокруг смертельно опасные враги, но разве это сейчас важно? Когда часы начали бить и площадь под моими усталыми ногами задрожала, я поняла: поздно. И даже обрадовалась, что скоро погибну. Зачем жить, раз не успела и проиграла?

Снова раздался бой часов... Стоящее в зените солнце нещадно палило.

Глава первая
ВЕЧЕРИНКА

Я была на девяносто девять процентов уверена, что сплю.

Уверенность основывалась, во-первых, на том, что ярко светило солнце. Такого вечно хмуром, залитом дождями Форксе, куда я недавно переехала, не было никогда. Во-вторых, передо мной стояла бабушка Мари. Она умерла шесть лет назад, и в том, что я сплю, не оставалось ни малейших сомнений.

Бабуля не изменилась: кожа на лице мягкая, морщинистая, тысячей мелких складочек натянутая на округлый череп. Совсем как печеное яблоко с пышным облаком седых волос.

Наши губы одновременно изогнулись в удивленной полуулыбке.

Старушка явно не ожидала меня увидеть.

Вопросов накопилась уйма: что она делает в моем сне? Чем занималась последние шесть лет? Встретилась ли с дедушкой? Как он?

Бабуля открыла рот одновременно со мной, и я решила: пусть заговорит первой. Но Мари тоже молчала, и мы смущенно улыбнулись друг другу.

— Белла!

Позвала меня вовсе не бабушка — мы синхронно обернулись посмотреть, кто к нам присоединился. Вообще-то я могла даже не оборачиваться: этот голос я узнала бы везде, узнала бы и откликнулась и во сне и наяву... наверное, даже после смерти. Ради этого голоса я пошла бы в огонь, воду или, более прозаично, целый день брела бы под мелким холодным дождем.

Эдвард!

Вообще-то я всегда радовалась, видя его, однако сейчас, даже уверенная, что сплю, я запаниковала, когда Эдвард двинулся к нам под палящим солнцем.

Ведь бабуля не знает, что я люблю вампира; вообще никто не знает. Как же объяснить, что солнце сотней тысяч радуг отражается от кожи Эдварда, будто его посыпали хрустальной пылью или алмазами?

Ну, бабуля, заметила, как переливается мой бойфренд? На солнце так всегда, не беспокойся...

Что Эдвард творит? Он специально обосновался в Форксе, где осадков выпадает больше, чем на всей территории Соединенных Штатов, чтобы выходить на улицу днем, не выдавая семейного секрета. А сейчас шествует ко мне с обворожительной улыбкой, словно на раскаленной площади больше никого нет.

Эх, почему на меня не распространяются его удивительные способности, почему мои мысли он не слышит отчетливо, как произнесенные вслух слова? Жаль, что не слышит он и предупреждения, которое я мысленно выкрикиваю.

Бросив испуганный взгляд на бабулю, я поняла, что снова опоздала: в глазах Мари тревога.

Эдвард, по-прежнему улыбаясь так, что мое сердце готово разорваться и выпрыгнуть из груди, обнял меня за плечи и посмотрел на старушку.

Однако Мари, вместо того чтобы ужаснуться, взглянула на меня робко, будто ожидая нагоняя. А поза... одна рука вытянута вперед и обнимает пустое пространство. Можно подумать, она держится за кого-то, кого-то невидимого...

Только потом, вблизи, я увидела вокруг бабули золотую раму и, по-прежнему ничего не понимая, протянула ей навстречу руку. Мари, словно копируя меня, сделала то же самое. Но наши пальцы не встретились, я коснулась холодного стекла.

Р-раз — и мой странный сон стал кошмаром.

Это не бабушка Мари.

В зеркале мое отражение. Это я — древняя, увядшая, морщинистая.

Эдвард в зеркале не отражался, хотя и стоял рядом, нестерпимо обворожительный и навсегда семнадцатилетний.

Красивые холодные губы прижались к моей щеке. — С днем рождения! — прошептал он.

Я резко проснулась — глаза распахнулись, будто обладая собственной волей, — и вздохнула с облегчением. За окном вместо ослепительного солнца — до боли знакомый серый свет пасмурного утра.

«Это сон, — прошептала я, — просто сон, в какой-то степени пророческий», — и, не успев прийти в себя, чуть не подпрыгнула — зазвонил будильник.

Маленький календарь в углу дисплея сообщил: сегодня тринадцатое сентября, мой день рождения, мне исполнилось восемнадцать лет.

Этого дня я с содроганием ждала несколько месяцев.

Целое лето — самое счастливое в моей жизни, самое счастливое во всей истории человечества — унылая дата маячила на горизонте, предвкушая свой эффектный приход.

Теперь, когда этот день наконец настал, я чувствовала себя старой. Конечно, я старела ежесекундно, но сегодня старости придали некий официальный характер: мне исполнилось восемнадцать.

А вот Эдварду восемнадцать никогда не будет.

Посмотрев в большое зеркало ванной комнаты, я даже удивилась, не заметив перемен в лице. Разглядывая оливковую кожу, я пыталась обнаружить признаки первых морщин.

Это просто сон, напомнила себе я. Просто сон... а еще настоящий кошмар.

Чтобы скорее выбраться из дома, я пропустила завтрак. С папой мы все-таки столкнулись, так что целых пятнадцать минут я честно пыталась радоваться подаркам, которые просила не дарить, и чуть не плакала, вымучивая улыбку.

С трудом взяв себя в руки, поехала в школу. Лицо бабушки — о том, что это я, лучше не думать — не шло из головы. На душе было совсем скверно, пока я, припарковавшись на знакомой стоянке средней школы Форкса, не заметила Эдварда, застывшего у серебристого «вольво», словно мраморная статуя

языческого бога. Так что сон всего лишь отражал реальность.

Отчаяние тут же сменилось удивлением. Мы встречались с Эдвардом целый год, а я все никак не могла поверить в свое счастье.

Рядом с братом стояла Элис Каллен.

На самом деле Элис с Эдвардом никакое родство не связывает (в Фортксе считают, что их обоих усыновили доктор Карлайл Каллен и его жена Эсми, оба, вне всякого сомнения, слишком молодые, чтобы иметь детей подросткового возраста), но кожа у них одинаково бледная, в темных глазах тот же золотой отлив, и под ними круги, похожие на багровые синяки. Лица у брата с сестрой пугающе красивые; для посвященных, например для меня, поразительное сходство — отметина, указывающая на их сущность.

Увидев Элис — золотисто-карие глаза блестят от волнения, руки сжимают маленький серебристый сверток, — я нахмурилась. Говорила же: на день рождения не хочу ничего, абсолютно ничего: ни подарков, ни других знаков внимания. Похоже, меня никто не услышал...

Захлопнув дверцу старенького пикапа, я направилась к Калленам. Элис бросилась навстречу; ее бледное лицо эльфа так и сияло под задорным ежиком иссиня-черных волос.

— С днем рождения, Белла!

— Тш-ш! — прошипела я, с тревогой оглядываясь по сторонам: не дай бог, кто-нибудь услышит. Мне совсем не хотелось отмечать эту черную дату.

На мой хмурый вид девушка не обратила ни малейшего внимания.

— Откроешь подарок прямо сейчас или потом? — беззаботно спросила она, когда мы шли к Эдварду.

— Никаких подарков! — мрачно буркнула я.

Похоже, Элис наконец почувствовала, в каком я настроении.

— Ну, ладно... Тогда потом. Тебе понравился альбом, что прислала мама, и фотоаппарат от Чарли?

Я вздохнула: конечно, Элис знает про мои подарки — в этой семейке удивительные способности не только у Эдварда. Его сестра сразу «увидела» планы моих родителей.

— Да, очень!

— По-моему, здорово придумано! Восемнадцать бывает только раз в жизни, можешь документально запечатлеть день своего совершеннолетия!

— А сколько раз тебе было восемнадцать?

— Ну, я другое дело!

Эдвард совсем близко, вот он протянул руку. Я тотчас ее пожала, на мгновение забыв о своем унынии. Его кожа, как всегда, гладкая, упругая и очень холодная. Заглянув в тигриные, цвета жидких топазов глаза, я почувствовала, как судорожно сжалось сердце, а Эдвард, уловив мой бешеный пульс, снова улыбнулся.

Прохладные, как осеннее утро, пальцы очертили контур моих губ.

— Значит, я не имею права поздравить тебя с днем рождения?

— Ага, точно. — Копировать его безупречно поставленную, с паузами и логическими ударениями

речь у меня никогда не получалось. Наверное, такой речи можно было научиться только в прошлом веке.

— Решил на всякий случай уточнить. — Каллен взъерошил бронзовую гриву. — Вдруг ты передумала? Людям, как правило, нравятся дни рождения и подарки.

Смех Элис напоминал звон серебряного колокольчика.

— Брось, Белла, тебе тоже понравится! Сегодня все будут потакать любому твоему желанию. Что плохого? — В устах девушки вопрос звучал как риторический.

— Возраст, — все-таки ответила я, и голос предательски дрогнул.

Губы Эдварда превратились в тонкую полоску.

— Восемнадцать — это немного, — заметила Элис. — Мне казалось, из-за таких проблем начинают волноваться после двадцати девяти.

— Немного, но больше, чем Эдварду, — пробормотала я.

Каллен вздохнул.

— Практически только на год, — как можно беззаботнее проговорила я.

Вообще-то... будь я уверена в желанном для меня будущем, уверена, что навсегда останусь с Эдвардом, Элис и остальными Калленами (хорошо бы не в облике сморщенной старухи), плюс-минус один год особой роли бы не сыграл. Но Эдвард категорически возражает против любого способного изменить мою сущность будущего, которое уподобит меня ему и сделает бессмертной.

Словом, тупик, как он сам часто говорит.

Если честно, его позицию я совсем не понимаю. Какие плюсы у смертности? Быть вампиром, по крайней мере таким, как Каллены, совсем неплохо.

— Когда будешь дома? — решив сменить тему, поинтересовалась Элис. Судя по выражению ее лица, она думает о том, чего я искренне надеюсь избежать.

— Разве я что-то запланировала?

— Да ладно тебе, Белла! — не выдержала сестра Эдварда. — Неужели испортишь нам все веселье?

— Мне казалось, день рождения проходит так, как желает именинник!

— Сразу после школы я ее заберу, — пообещал Каллен, начисто игнорируя мое присутствие.

— У меня ведь работа! — возразила я.

— Уже нет, — самодовольно заявила Элис. — Я договорилась с миссис Ньютон. Она меняется с тобой сменами и поздравляет с днем рождения.

— Н-не м-могу праздновать. — Заикаясь, я спешно придумывала отговорку. — Мне... «Ромео и Джульетту» для литературы нужно посмотреть.

— «Ромео и Джульетту» ты знаешь чуть ли не наизусть, — фыркнула девушка.

— Мистер Берти считает, что нужно обязательно увидеть постановку. Мол, шекспировское произведение задумывалось именно как зрелище.

Эдвард закатил глаза.

— Ты уже смотрела фильм! — напомнила Элис.

— Да, но современный, а не шестидесятых годов. По мнению мистера Берти, та экранизация — самая лучшая.